

1x 8 ДЕК 1973

● СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Маегозель

АЙМЕДОВА: «

РАССКАЗАТЬ О ЧЕЛОВЕКЕ СИЛЬНОМ И ГОРДОМ»

республики и Государственная премия СССР...

— Маегозель, в нынешнем году вы много ездили с «Невесткой» по странам мира. Какие впечатления наиболее яркие?

— Кроме Локарно и Сорренто, наша «Невестка» была представлена на кинофестивале советских фильмов в Японии, организованном кинокомпанией «Японское море». Токио, Осака, Хиросима, Нагасаки — в этих городах шли наши фильмы. Шли с неизменным успехом. Но больше всего мне запомнилась встреча с женщинами Хиросимы...

Один из видных актеров японского кино еще в Токио сказал мне, что «лента Ходжакули Нарлиева — японская лента». В его устах это звучало, как высшая похвала, но тогда я не придавала этому особого значения. Так, думала, комплимент, не больше.

И вот просмотр в одном из залов Хиросимы. Удивительно, что большинство зрителей — женщины. Может быть, их привлекло название «Невестка» и они ожидали увидеть трогательную мелодраму?.. Фильм шел при чуткой тишине: ни слова, ни звука...

Опустив голову, я вышла на улицу, и тут увидела огромную толпу женщин, молча стоявших на площади

у кинотеатра. И вдруг ко мне кинулись две седые японки. Они о чем-то говорили, плакали. Я обернулась к переводчице, но та молчала, стараясь удержать подступившие слезы. А старые японки касались моих рук, плеч. Через минуту я была окружена толпой женщин. На руках у многих были детские каленки — печальное наследие атомной бомбардировки Хиросимы.

«Ваш фильм — против уродства жизни, — услышала я наконец перевод того, что говорили мне японские женщины, — это женский крик: остановитесь, люди, не сжигайте друг друга. Это японский фильм, это о нас...»

— Как вы воспринимаете успех своего дебюта в кино?

— Никак. Одна роль, пусть удачно сыгранная, всегда может оказаться первой и последней удачей. Когда я смотрю наш фильм, то волнуюсь все больше. Иногда мне кажется, что он слишком затянут. Что я сыграла не так, как было надо. И если хоть один зритель во время демонстрации покидает зал, мне чудится провал... Многие мои коллеги поймут меня. Наверное, это и есть то спасительное недоумство собой, без которого невозможно движение вперед.

— В зарубежных поездках, на различных фестива-

лах вам, очевидно, приходится смотреть картины, созданные режиссерами разных стран. Каковы, на ваш взгляд, ведущие тенденции развития мирового кино?

— На этот вопрос мне нелегко ответить. Я не киновед, но если судить по фестивалям в Локарно, то ведущей тенденцией привлеченных сюда работ было стремление унижить человека. Создатели многих виденных мною западных лент пытались убедить зрителя, что современный человек — средоточие мерзостей, что в нашем мире нет места добру, красоте, человечности. Герои подобных фильмов убивают, грабят, «уходят» в наркоманию, в половые извращения. До сих пор с содроганием вспоминаю один из английских фильмов. Это было чудовищное, гнусное надругательство над женщиной, поспрашивание любви, женского и человеческого достоинства. Тем большим контрастом были на этом фестивале советские фильмы.

Не случайно, видимо, после просмотра «Невестки» на пресс-конференции меня и режиссера засыпали вопросами. Возможна ли на самом деле история, о которой рассказывает наш фильм? Есть ли в жизни такие цельные и чистые души, как наша Огулькейик?

— Сейчас вы снимаетесь в новой ленте Ходжакули Нарлиева, которая открывает вас от сцены. Вы получили и другие приглашения. Не думаете ли вы в связи с этим оставить театр и целиком связать свою судьбу с кинематографом?

— О нет, никогда! В каких бы прекрасных дворцах ни пришлось жить человеку, он вовек не забудет дом своего детства, где впервые увидел свет дня. Такой дом для меня — театр, моя первая любовь. Может, с ним связано больше огорчений, чем удач, но театр дает мне то, чего не сможет дать кино, — живое общение со зрителем, чуткое внимание притихшего театрального зала,

дыхание которого — камертон для актера... Что же касается работы в кино... Я с большим огорчением отказалась от лестных для меня приглашений. Снимаюсь только у Ходжакули Нарлиева. Дело в том, что я немного «виновница» рождения сценария «Когда женщина оседает коня».

— Можно об этом подробнее?

— Я давно мечтала создать на сцене образ одной из тех отважных туркменок, которые в первые трудные годы становления Советской власти по зову сердца шли в самые далекие уголки нашего края утверждать новую жизнь. Одна из них — Эне Кулиева. Мне хотелось воплотить ее образ на сцене. И вот когда шли съемки «Невестки», я поделилась своей мечтой с режиссером Ходжакули Нарлиевым. Он тогда мне ничего не сказал, но... зерно упало на благодатную почву.

Свой новый фильм съемочная группа посвящает исполняющемуся в следующем году 50-летию Туркменской ССР и Компартии Туркмении.

Съемки сейчас в самом разгаре. Картина снимается в полтора километрах от Ашхабада, в горном селении Нохур, и поэтому не всегда удается вовремя посмотреть отснятый материал. А после редких просмотров пленки я чаще всего ухожу из кинотеатра огорченной: мне кажется, я играю не то и не так. Страшно становится...

— Я помню ваше лицо после первого просмотра рабочего материала фильма «Невестка» — в нем были тревога и смятение.

— Спасибо. Я это могу воспринять как утешение. Но больше всего меня поддерживает в работе вера в мою героиню. Во что бы то ни стало я должна рассказать с экрана о человеке сильном и гордом, чья жизнь была подобна высокому костру в темной ночи.

Хабиб ГУСЕИНОВ,
искусствовед